

Гермиона наблюдала, как Рон тихо закрыл дверь в ее «камеру», и попыталась не обращать внимания на внезапную нервозность, которую она испытала. Она говорила себе, что нервничает просто из-за того, что ей предстоит пережить неприятный разговор с Роном, но что-то еще беспокоило ее, беспокоило на краю ее разума, как собака, грызущую кость. Она всегда гордилась своим разумом и своей логикой и, несмотря на чистое чудо волшебного мира, по-прежнему придерживалась очень скептического взгляда на вещи, которые некоторые люди считали «таинственными» или «сверхъестественными». В детстве, когда она впервые увидела «Гамлета» и услышала известную цитату «На небе и на земле, Горацио, есть больше вещей, чем можно вообразить в вашей философии», она Я хотел подняться на сцену и обсудить этот вопрос с актером. По ее мнению, все можно было объяснить логикой и разумом.

По крайней мере, так она привыкла думать.

После укуса и первой трансформации она была вынуждена признать, что в мире действительно есть другие факторы. Во-первых, теперь она была убеждена, что у нее развилось шестое чувство опасности, и это чувство в данный момент запускало в ее голове огромный тревожный звоночек. Она знала, что что-то не так. Она просто не знала, что именно, и не могла объяснить, откуда она это знала.

— Ты в порядке, Гермиона?

Она очнулась от задумчивости, услышав вопрос Рона, и дрожаще улыбнулась ему.

— Я в порядке, Рон, спасибо. Наверное, я еще не привыкла ко всему этому, — добавила она, водя рукой по комнате.

«Это кажется очень удобным. МакГонагалл проделала огромную работу с этим. Тебе будет хорошо спать здесь сегодня ночью, — ответил Рон.

Гермиона снова улыбнулась его попыткам оставаться веселой ради нее и хотела ответить, но внезапно замерла, когда ее обоняние внезапно подсказало ей нечто, что не могло быть правдой. Она сосредоточилась на секунду, блокируя все остальное, когда уловила запах, который внезапно вторгся в ее чувства.

«Рон, я думаю, Джинни стоит снаружи. Ты ничего ей не сказал, не так ли?

По удивленному выражению его лица она поняла, что Рон не сказал ни слова. Блин! Джинни, должно быть, последовала за нами. Она направилась к двери только для того, чтобы почувствовать, как ее сердце остановилось в груди, когда она узнала звук волшебных болтов, вставлявшихся на место.

'Я вернусь через час! Усаживайтесь поудобнее, и я выпущу вас через час! Они оба услышали из-за двери приглушенный голос Джинни. Через запертую дверь.

О, черт, Джинни; нет! Гермиона бросилась к двери, но ее нос уже говорил ей, что Джинни больше нет. Она стучала кулаками по дубовым панелям.

'ДЖИННИ! ДЖИННИ! ОТКРОЙ ДВЕРЬ! ВЫ ДОЛЖНЫ ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ'

Она остановила стук и прислонилась головой к двери, а затем медленно повернулась и посмотрела на Рона, заметив нарастающий ужас на его лице, когда пришло осознание.

'Она ушла.'

'Прошло?' — ответил Рон. — Ты не можешь открыть дверь? Он вынул палочку из кармана.

«Алохомора!»

Ничего такого.

«Алохомора! Алохомора! АЛОХОМОРА ! — воскликнул Рон с нарастающей паникой.

— Это бесполезно, Рон. Эти болты непроницаемы для магии. Это не сработает. Она была поражена тем, как спокойно она звучала, несмотря на чувство надвигающейся гибели, которое грозило сокрушить ее. Она подождала, пока Рон повернется к ней лицом, прежде чем продолжить. Она украдкой бросила взгляд через зарешеченное окно.

— У нас есть около десяти минут, пока я не переоденусь, — мрачно сказала она. — Я принял свое зелье, так что все должно быть в порядке. Я по-прежнему буду контролировать ситуацию, так что не о чем беспокоиться».

Рон тяжело сглотнул при этих словах, ища утешения. — Вы будете иметь полный контроль?

Гермиона подавила желание огрызнуться на него. Я просто так сказал, не так ли? — подумала она про себя. Но выход из себя не поможет ситуации. Она кивнула головой. «Я буду в полном контроле. Я просто пойду спать, и я предлагаю вам просто сидеть спокойно, пока Джинни не вернется через час. В любом случае, я не буду большой компанией. Она мрачно улыбнулась. — Я не совсем так планировал наш разговор.

«Я убью Джинни, когда увижу ее», — сказал Рон, его гнев начал сменять страх. — Какого черта она думает, что делает?

— Она не знает о моем состоянии, — ответила Гермиона. — Это не ее вина. Она просто шутит.

— Это не имеет к этому никакого отношения! — отрезал Рон. «Она не должна преследовать нас

и уж точно не должна запира́ть нас в комнате! Это заходит слишком далеко! Он сделал паузу на мгновение, когда немного успокоился. — Она узнает и о твоём состоянии, — добавил он.

Гермиона вздрогнула от удивления, поскольку ей это не пришло в голову. Она пожала плечами. «Я бы не хотел, чтобы она узнала об этом, но я бы все равно сказал ей достаточно скоро». Она сделала паузу, чтобы собраться с мыслями, удивленная тем, как спокойно она звучала, несмотря на то, что каждая клеточка ее существа говорила ей, что должно произойти что-то плохое. «Я думаю, это то, с чем нам тоже рано или поздно придется иметь дело. Я имею в виду... если мы собираемся быть вместе, думаю, тебе придется к этому привыкнуть. Я имею в виду, что я не могу оставаться в Хогвартсе всю свою жизнь... Мне нужно... Я...

На этот раз она не нашла слов, пытаясь сказать то, что было у нее на уме. На этот раз у Рона хватило ума не перебивать.

«Я никогда не хотела, чтобы ты видел, как я преображаюсь», — наконец смогла сказать она, глядя себе под ноги.

'Какая?'

— Я никогда не хотел, чтобы ты видел, как я меняюсь. Думаю, я могу смириться с тем, что ты видишь меня в моей волчьей форме, но трансформация ужасна, и я никогда не хотел, чтобы ты был свидетелем этого». Она посмотрела на Рона и увидела, что он не понимает, почему это так важно для нее. Мало того, что трансформация была болезненной, и она хотела защитить его, это был также момент, когда ее проклятие достигло своего апогея, когда она была бессильна бороться с ним — с зельем аконита или без него. Она не хотела, чтобы кто-нибудь видел ее такой уязвимой. Даже Рон. — Не могли бы вы отвернуться, когда я переоденусь? — спросила она тихим голосом.

Рон знал, что он не самый чувствительный из людей, но даже он узнавал мольбу сердца, когда слышал ее. Он кивнул головой.

— Я повернусь и закрою глаза, — ответил он. 'Обещать.'

Удивительно, но Гермиона улыбнулась его словам, прежде чем они оба повернулись и посмотрели в окно на заходящее солнце.

Не долго, теперь.

...

Гарри сделал короткую паузу, направляясь к общей гостиной Гриффиндора, и остановился и посмотрел в окно на солнце, медленно садящееся за западные горы. Несмотря на то, что Шотландское нагорье могло создать чрезвычайно суровую погоду, Гарри ценил тот факт, что в

хорошую погоду, как сегодня вечером, можно было насладиться одними из лучших пейзажей, которые только можно найти. Глядя на сцену перед собой, он ощутил чувство умиротворения, которого не испытывал уже довольно давно.

Однако его покой был нарушен звуком шагов. Повернувшись направо, он был удивлен, увидев приближающегося профессора Слагхорна, его короткие короткие ноги двигались так быстро, как Гарри никогда не видел. Хотя нельзя было сказать, что Слагхорн особенно подвижен, не было никаких сомнений в том, что шаркающая, неуклюжая походка, которую сейчас демонстрировал профессор, на самом деле сходилась за то, что можно было бы классифицировать как бег.

Что-то явно было не так, если Горацій Слизнорт бежал.

— Гарри!... Гарри... должен поговорить с... Грейнджер, — прохрипел Слизнорт, изо всех сил пытаясь восстановить дыхание. Он протянул руку с раскрытой ладонью. 'Я нашел это!' наконец удалось воскликнуть.

С ошеломленным выражением лица Гарри взял у Слагхорна маленький предмет и внимательно его рассмотрел. — Простите, профессор, — начал он, — но мне кажется, что это ягода можжевельника?

— Это ягода можжевельника, — прохрипел Слизнорт, согнувшись пополам и положив руки на колени. «У нас проблемы. У Грейнджер проблемы, — добавил он, выпрямляясь.

Озадаченный взгляд Гарри тут же исчез при мысли о Гермионе, которая попала в беду. Он все еще не мог понять, что происходит, и изо всех сил пытался сохранять спокойствие. — Еще раз, профессор, вам придется простить мое невежество. Каково значение этой конкретной ягоды?

— Он должен был быть в зелье Грейнджер. Я нашел его на полу в своей лаборатории, но он должен был попасть в зелье.

— Это важно? — спросил Гарри, уже зная ответ.

'ДА! Разве ты не понимаешь? Зелье не работает, если его не сварить идеально.

Гарри снова повернулся, чтобы посмотреть в окно, прежде чем взглянуть на часы. Он запомнил соответствующие времена заката на следующие шесть месяцев. До того, как Гермиона почувствует себя, осталось меньше пяти минут, а может быть, даже и этого. Он закрыл глаза, понимая, что то, чего она больше всего боялась — потерять контроль, — вот-вот снова постигнет ее. Его разум был переполнен мыслями и вопросами, но некоторые из них оттесняли в сторону всех остальных.

Что мне теперь делать? Я предупреждаю ее? Есть ли смысл предупреждать ее, потому что это

ничего не изменит?

Он задавался вопросом, где был Рон, желая, чтобы его друг был с ним в данный момент, хотя бы только для того, чтобы разделить страдания. Как только он поймал себя на мысли, стоит ли бежать, чтобы сообщить Гермионе новости, он услышал приближающиеся шаги из-за угла и повернулся лицом к своему другу.

«Рон!»

Но появился не Рон, а Джинни, и, судя по внезапному выражению вины на ее лице, когда она услышала имя брата, Гарри понял, что что-то не так.

— Где Рон? — отрезал Гарри.

Джинни сразу почувствовала, что Гарри не в настроении отвлекаться. Его тело буквально ошетинилось от напряжения; он был подобен сжатой пружине.

— Он с Гермионой, — тихо ответила она.

— Не может быть, — коротко ответил Гарри.

«Он. Я оставил их несколько минут назад.

— Где оставил? — спросил Гарри с нотками страха в голосе.

— Оставил их в той комнате под замком. Я полагаю, вы уже знаете об этом? Она попыталась сделать так, чтобы последний вопрос звучал обвинительно, но вместо этого он показался раздражительным. Детский. Внезапно она осознала только пару ярко-зеленых глаз, которые сверлили ее, почти глядя в нее, такова была их напряженность. — Я... я... запер их. Ты знаешь, ради шутки? — добавила она с умоляющим выражением лица. Наконец она отвернулась, не в силах выдержать его взгляд.

Время для Гарри застыло. Внезапно он почувствовал позывы к рвоте, ощутил, как темнота захлестнула его зрение, когда он изо всех сил пытался даже дышать. С паникой, поднимающейся внутри него, как разбушевавшийся зверь, он чувствовал себя как бы вне реальности, что он был зрителем, наблюдающим за событиями, а не ключевым участником. Его разум перестал функционировать на несколько мгновений, но ему повезло, что инстинкт уже сработал. Посмотрев на Джинни, казалось, целую вечность, он внезапно повернулся и побежал по коридору так быстро, как никогда не бегал за всю свою жизнь. жизнь.

.....

Гермиона выглянула в окно, прежде чем закрыть глаза. Она чувствовала притяжение лунного цикла и знакомялась с ощущениями, сопровождавшими ее изменение. Теперь она знала, что это всего лишь вопрос мгновений.

— Ты можешь отвести взгляд, Рон? — тихо спросила она, не поворачиваясь к нему лицом.

— Нет проблем, — ответил Рон. — Я повернусь лицом к стене и закрою глаза. Думаю, я смогу потренироваться, когда можно будет посмотреть». Добавил он.

Гермиона кивнула в знак благодарности, но не повернулась к нему лицом. Она дышала глубоко и размеренно, пока ждала, ее раздражение начало брать над ней верх. Рон не должен быть здесь! Она не могла винить Джинни, поскольку она не знала, что происходит, но часть ее злилась на рыжую за такую глупую шутку. Рон мог быть в большой опасности.

Слава Богу за зелье.

Она должна была утешиться этим фактом, но ее чувства кричали ей, что не все так, как должно быть. Она не знала почему, но быстро научилась доверять своим инстинктам, и все они в данный момент говорили ей одно и то же.

Что-то пошло не так. Действительно неправильно.

Таково было ее чувство беспокойства, что она чуть не пропустила его. Она открыла глаза в ответ на уже знакомый всплеск внутри нее, но когда она пыталась решить, что делать дальше, она внезапно покачнулась и упала на руки и колени, ее спина выгнулась от боли. Ее голова была поднята к потолку, когда первые мгновения агонии настигли ее, и она сжала руки в кулаки, тяжело дыша при этом, борясь всеми сухожилиями, чтобы не закричать.

Именно в этот момент к ней начало приходить осознание. Она почувствовала новый прилив крови к своим венам, но на этот раз она почувствовала зверя внутри себя, который начал доминировать над ее разумом и рациональностью.

О Боже. Это не правильно! Этого не должно быть!

В конце концов она отпустила и закричала, но распознала вой, подкрадывающийся к ее крикам, и какая-то отдаленная часть ее разума поняла, что она теряет контроль. Что зелье не подействовало.

«Рон! Рон! Она стиснула зубы, каждое произнесенное слово было своего рода победой над зверем. — Ты... должен... уйти... отсюда... — выдохнула она. «Зелье... не... сработало... убегай...»

Она растянулась на полу, чувствуя, как скалит зубы, пытаясь взять себя в руки. На данный

момент она сохранила себя достаточно, чтобы знать, что она должна победить в этой битве, иначе Рон может умереть. Она также знала, что не сможет, не сможет победить в этой битве.

Это была последняя сознательная мысль Гермионы Грейнджер, когда зверь с новой волной мучительной боли взял верх.

Первое, что сделал зверь, это повернулся, чтобы посмотреть, сможет ли он найти источник странного запаха, который подсказал ему, что поблизости есть свежее мясо.

....

Рон не мог припомнить, чтобы за всю свою жизнь он чувствовал себя более некомфортно. Он знал, что его жизнь как волшебника была страннее, чем у большинства. Он также признался бы любому, что даже по магическим меркам его жизнь вряд ли можно считать нормальной. Быть лучшим другом Гарри Поттера означало, что он оказывался в ситуациях, которые большинство людей — магических или нет — не могли себе представить.

Но взгляд на каменную стену в запертой камере, в то время как его подруга превращается в оборотня позади него, вероятно, получил приз за самый сюрреалистический момент в его жизни.

Я собираюсь убить Джинни, подумал он в сотый раз. Он на самом деле волновался, так как знал, что даже когда Гермиона держит все под контролем, делить комнату с оборотнем было чрезвычайно пугающе и опасно.

Ну, немного более устрашающая и опасная, чем обычно Гермиона, подумал он про себя со смешком.

Легкая улыбка на его лице внезапно исчезла, когда он услышал позади себя шум, который, как он подозревал, был Гермионой, падающей на землю на четвереньках. Ему потребовалась вся его сила воли, чтобы не обернуться и не посмотреть, все ли с ней в порядке; Гермиона была непреклонна в этом, и он уважал ее желание. Он слышал, как учащается ее дыхание, и надеялся, что трансформация не займет много времени.

Он услышал ее крик и едва не расплакался, узнав характерный вой в ее голосе. Теперь он знал, почему она не хотела, чтобы он стал свидетелем этого. Это была просто пытка.

Он крепко закрыл глаза, желая, чтобы это закончилось, как вдруг он услышал, как она говорит, и ее слова пробрали его до костей.

«Рон! Рон! Ты... должен... уйти... отсюда... Зелье... не... подействовало... беги...

Рон в ужасе повернулся к своей девушке, и он задавался вопросом, как он все еще может

действовать, когда истинный смысл ее слов поразил его. Я мог умереть здесь.

Я умру здесь.

Он смотрел, как она растянулась на полу, как ее зубы обнажились и превратились в огромные клыки, которые, как он знал, разорвут его плоть в клочья. Он обнаружил, что удивлен своей способностью сохранять рациональное мышление, несмотря на страх, угрожавший захлестнуть его. Он знал, что нет смысла пытаться выбраться; Бежать не было смысла, потому что бежать было некуда. Комната была магически запечатана, и Рон Уизли чувствовал себя зрителем собственной казни, наблюдая, как – теперь уже волчье – тело, наконец, расслабилось перед ним и медленно начало подниматься, оно повернулось к нему спиной. Он осторожно выставил палочку перед собой наизготовку. Но стрелял не сразу. Он должен был быть уверен.

— Гермиона?

Первоначальной реакции не последовало, но, наконец, зверь поднял голову и понюхал воздух. Он медленно повернулся и присел на четвереньки, глядя на существо перед собой. Он нерешительно кружил против часовой стрелки, словно подозревая какую-то ловушку, но не сводил глаз с Рона ни на секунду. Рон тоже начал кружить, двигаясь соответствующими шагами в такт зверю.

«Гермиона? Ты там?»

В ответ зверь лишь зарычал и уперся на задних лапах. Рон знал, что будет дальше.

«ОШАМПИЙСЯ», — крикнул он, когда зверь набросился на него, и он не почувствовал угрызений совести, когда его заклинание ударило нападавшего в грудь.

Это не Гермиона. Эта штука убьет тебя, сказал он себе.

Он выстрелил из своего самого мощного парализатора, но эффекта от него было мало. Вместо того, чтобы сбить волка с ног и лишить его сознания, он просто остановил нападение, в результате чего первый выпад упал на несколько футов. Он с ужасом наблюдал и попятился, когда волк встряхнулся и приготовился наброситься во второй раз. Рон Уизли видел перед собой смерть.

Именно в этот момент все изменилось. Что-то отвлекло волка, и он остановился в своем наступлении, склонив голову набок и снова прижимаясь. Рон подумал, что он выглядел довольно неуверенным в себе. Через несколько мгновений он, казалось, был удовлетворен тем, что все в порядке, и снова повернулся к нему лицом, готовясь к прыжку. Рон снова поднял свою палочку, пораженный тем, что его рука осталась твердой, но как только он собирался выстрелить во второй раз, дверь в камеру внезапно распахнулась, и Гарри вбежал в комнату.

'ЭКСПУЛЬСО! ЭКСПУЛЬСО! — закричал Гарри, и на этот раз двойное заклинание отбросило зверя назад, он пошатнулся, чтобы сохранить равновесие, прежде чем в конце концов упал на колени. Рона схватили за плечо и толкнули к двери.

'ШАГ!' — закричал Гарри, толкая друга между лопаток и следуя за ним. Они уже почти добрались до двери, когда зверь оправился от атаки Гарри. Он прыгнул в третий раз и на этот раз наконец нашел свою цель. Он врезался в Гарри, вонзив зубы ему в плечо и повалив на землю.

Гарри закричал в агонии, когда упал, но сохранил присутствие духа, чтобы поместить свою палочку прямо под челюсть волка, даже собираясь сделать еще один укус.

'ЭКСПУЛЬСО!' — воскликнул он еще раз, и на этот раз волка отшвырнуло через всю комнату, такова была сила заклинания, связанного с близостью палочки к цели. Он ударился головой о каменную стену и кучей рухнул на пол, очевидно, без сознания.

В комнате воцарилась ужасная тишина, которая, казалось, длилась целую вечность, тишина, которая наконец была нарушена только тогда, когда Джинни вошла в камеру, ее глаза расширились от ужаса, когда она увидела сцену; взглянул на потрясенное лицо Рона; Гарри сидел на полу, держась за плечо, и, наконец, увидел лежащего без сознания в углу оборотня.

— Это... Гермиона? — спросила она, слезы потекли, когда она поняла, что здесь произошло.

Гарри стиснул зубы. 'Да. Теперь свяжите ее и снова оглушите. Тогда убирайся отсюда. Вы оба.'

Никто не двигался.

'СДЕЛАЙ ЭТО!' он закричал. — Убирайся отсюда — времени не осталось.

«В...в...время?» — пробормотал Рон. 'Что ты имеешь в виду?' он спросил.

Гарри посмотрел ему прямо в глаза и скривился. — Ты понимаешь, о чем я, Рон, — тихо ответил он. Он убрал левую руку с правого плеча, и вдруг Рон и Джинни увидели рану под изорванной одеждой, увидели следы от зубов и кровь.

— Я чувствую, как меняюсь, — сказал Гарри, тяжело дыша. «Это ненадолго; связать Гермиону, оглушить и связать меня, а затем обратиться к черту из этой комнаты. Вы должны сделать это прямо сейчас!

Рон ошеломленно уставился на своего друга, и до него дошла правда его слов. Он видел, как Джинни упала на колени, но знал, что в данный момент они не могут позволить себе роскошь горевать. Он схватил сестру, грубо поставил ее на ноги и вытащил из камеры. Двигаясь так быстро, как только мог, он снова вошел в комнату и выстрелил в Гермиону еще тремя

парализаторами, а затем применил к ней Инкарсерус, связав ее толстыми веревками. Затем он повернулся к Гарри и увидел напряжение на его лице. Он поднял палочку, но мгновение колебался.

'Ты уверен?' — тихо спросил он.

Гарри кивнул, стиснув зубы. — Я чувствую это, Рон. Осталось не так много времени. Свяжи меня, оглуши и убирайся отсюда, пока не стало слишком поздно. Словно в подтверждение своей точки зрения, его тело внезапно содрогнулось, и он закричал в агонии.

Рон не обращал внимания на слезы, катившиеся по его щекам, когда он снова поднимал палочку. Когда Гарри во второй раз забился в конвульсиях, он выстрелил еще одним парализатором, который отправил его друга в бессознательное забвение. Он наблюдал, как Гарри, несмотря на то, что был нокаутирован, превратился в оборотня, затем крепко связал его и левитировал на ближайшие подушки, накрыв одеялом, прежде чем ударить его еще парой электрошокеров. Затем он воспользовался моментом, чтобы переложить Гермиону на подушки и укрыть ее, прежде чем направился к двери.

Он повернулся и бросил последний взгляд на зверей, которые, как он знал, были двумя его лучшими друзьями, и почувствовал, как его сердце разрывается.

Как мы выздоравливаем от этого? — спрашивал он себя в отчаянии.

Он закрыл дверь и медленно вставил волшебные болты на место, и когда последний встал на место, ему показалось, что он запечатывает могилу.

Как мы выздоравливаем от этого?

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539886>